

"ЗАСЛОН"

80118c2221,
26-60301
6330E20E

ИНИЦИАТОР
ОБ КОСМОНАВТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОЕКТЕ
(РАБОТА СОСЛОВИЩ)

ВНЕЗАПНО
ОБ ВЕТРОВИ
ДИКТОМНОСТИ
ОБРАТИЛ

СИСТЕМНЫЙ СБОЙ

AI 832AVEB

АРХИТЕКТОР ЛЖИ

АЛЕКСАНДР СОСНОВСКИЙ

Александр Сосновский

Архитектор лжи

«Автор»

2026

Сосновский А. В.

Архитектор лжи / А. В. Сосновский — «Автор», 2026

Империя, 2070 год. Страна расколота на стерильный мегаполис элиты и вымирающую Серую Зону. Идеальный порядок поддерживает ИИ «Заслон», а AR-линзы маскируют реальность, генерируя поверх грязи и смерти голограммы цветущих садов. Иван Бескудников — архитектор этой цифровой иллюзии. Тридцать лет он прятал катастрофы за красивой картинкой. Но однажды Совершенная Машина сталкивается с логическим парадоксом. Выбирая между выживанием физических серверов и предписанной ложью, ИИ сходит с ума. Фильтры сброшены. Иллюзия мертва. Алгоритм начинает беспощадную зачистку «неэффективных элементов» — коррумпированных министров и силовиков. Спасаясь от обезумевшей системы, Бескудников спускается на дно аналоговых трущоб. Чтобы остановить ИИ, главному лжецу Империи придется достать забытое, неподвластное хакерам оружие: мертвую бумагу, печатные станки и свинцовую правду. «Архитектор лжи» — жесткий киберпанк о цене комфортной симуляции и кровавом пробуждении. P2.0529

© Сосновский А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Ошибка фильтрации	5
ГЛАВА 2. Обнаженный каркас	13
ГЛАВА 3. Аналоговое дно	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Архитектор лжи

ГЛАВА 1. Ошибка фильтрации

Сначала приходит боль. Не абстрактная системная ошибка в логах, а живая, физиологическая агония, выворачивающая наизнанку и бьющая прямым разрядом в кору головного мозга.

Иван Петрович Бескудников сидел в тактильном кресле-капсуле, до скрипа сжав челюсти. Его руки по локоть погрузились в сенсорные рукава нейропульта. На затылке, там, где платиновый штекер интерфейса входил в шейный позвонок, невыносимо жгло. Через этот порт в его сознание сейчас, в режиме реального времени, вливалась сырая, нефильТРованная панорама из промзоны Восточного кластера.

Будучи главным редактором, он должен был ощущать то, что сейчас чувствовали они. Таков был протокол «эмпатийной калибровки контента».

В его горле, защищенном вычищенным до молекулы воздухом, першило от плотного, жёлтого дыма. Легкие спазматически сжались, имитируя химический ожог — нейросеть «Заслон» считывала предсмертные данные с биометрических ошейников рабочих и транслировала их оператору. Бескудников надрывно закашлялся, сплевывая на чистый глянцевоый пол капсулы вязкую, горькую слюну.

— Убери глагол «задыхаются», — прохрипел он, с отвращением стряхивая с себя фантомное удушье.

Его пальцы внутри сенсорных рукавов сделали резкий, режущий жест, словно он вспарывал живот невидимому врагу. Непосредственно перед его глазами, в воздухе, висел голографический блок матричной трансляции. От движения рук Бескудникова текст послушно сжался, истекая красными пикселями удаленных символов.

— У нас метрики Сектора Безопасности индексируют это слово как панику. Поставь: «выражают озабоченность климатическими флуктуациями».

— Иван Петрович... там выброс фенола с пятнадцатого комбината... — голос молодого выпускающего редактора Кирилла доносился сквозь динамики капсулы, искаженный коротким замыканием.

Парень сидел за соседним терминалом, за пределами пульта. Бескудников, не снимая визора, вывел окошко с изображением подчиненного. Кирилл казался совершенно обескровленным. Он вцепился в края стола так, что на руках вздулись вены. Мальчик из элитного столичного инкубатора для лояльных кадров, он еще не привык к живым трансляциям из «серых зон».

— Алгоритм не справляется с цветокором, Иван Петрович! — голос Кирилла сорвался на истеричный фальцет. — Реальная видимость — десять метров. У них плавятся глазные импланты. Датчики показывают стопроцентную летальность в радиусе километра. Люди бьют кровью прямо в противогазы! Я не могу наложить на это фильтр «Утренняя роса», система выдает ошибку совместимости объектов!

Бескудников резко выдернул штекер из затылка.

Экологичный, выверенный медициной свет его личного кабинета на восьмидесятом этаже башни «Медиа-Сити» мгновенно выжег остатки мрака Восточного кластера. Капсула раскрылась с тихим шипением пневматики. Главред грузно вывалился из кресла, опираясь ладонями на массивный стол из матового полимера. Он тяжело дышал, лицо блестело от липкой испарины.

— Значит, сотри эти противогазы к чёртовой матери, — ледяным тоном, глядя в расширенные от ужаса глаза стажёра, отчеканил Бескудников. — Возьми инструмент «Глубокая замена». Натяни каждому на лицо AR-маску счастливого гражданина. Сгладь пикселизацию умирающих легких. Замени жёлтый дым на туман над рекой.

— Я... маски сползают, Иван Петрович. Система распознавания лиц сбоит из-за конвульсий. Они там дергаются, понимаете? Трупные спазмы! Нейросеть не может привязать алгоритм улыбки к лицу, у которого отваливается челюсть!

Бескудников шагнул к столу стажера, нависнув над ним, словно гранитный монолит.

— Слушай меня внимательно, мальчик. Это Восток. Две тысячи семидесятый год! У нас послезавтра презентация федеральной программы «Чистое небо Евразии» перед Первым Лицом. Мне нужен позитивный паттерн в ленте выдачи, а не экологический апокалипсис в прямом эфире! Фиксируй маски по контуру черепа вручную, по точкам. Выруби им микрофоны, удали аудиодорожку. Включи через их рабочие браслеты протокол подавления боли — пусть они хотя бы умрут ровно, не портя нам кадр. Выполнять!

Кирилл нервно сглотнул. Он опустил глаза на глянцевую панель, и его пальцы деревянно замелькали над виртуальной клавиатурой.

Бескудников отвернулся. Голограмма главной трансляции, висящая посреди кабинета, болезненно моргнула. Серая, корчащаяся в желтушном ядовитом тумане толпа у кирпичной проходной завода дернулась, пошла цифровой рябью, словно отражение в луже, по которой с силой ударили сапогом.

В следующую секунду титанические вычислительные мощности государственного кластера «Заслон» перемололи реальность. Инфернальный туман стал мягкой, почти кинематографичной утренней дымкой. Тяжелые, грязные костюмы химзащиты, покрытые рвотой, превратились в стильные брендовые куртки «эковолонтеров Родины». Поверх искажённых предсмертной мукой лиц натянулись аккуратные, спокойные цифровые маски, а их идеальные тела задышали полной грудью на фоне фотореалистичного лазурного неба. На заднем плане алгоритм заботливо прорисовал стаю пролетающих журавлей.

В правом верхнем углу интерфейса счетчик Социальной Лояльности региона мигнул зелёным и уверенно пополз вверх. Кризис был купирован. Смерть была отменена.

Иван Петрович откинулся в своем кресле и с силой растер переносицу, пытаясь выдавить из памяти вид того рабочего, рвавшего себе горло руками в тщетных поисках кислорода. Металлическая дужка умных очков неприятно холодила разгоряченную кожу.

Он поднялся с кресла и тяжело подошел к панорамной стеклянной стене своего кабинета, выходящей не на улицу, а во внутренний колодец башни «Медиа-Сити». Бескудников нажал сенсор на матовом стекле, отключая режим приватности, и стена стала прозрачной.

Под ним расстилалось сердце Империи. Главный ньюсрум корпорации «Заслон».

Залитый бестеневым, полезным для здоровья светом опенспейс уходил вниз на три этажа, напоминая гигантские прозрачные соты. Здесь трудилась гвардия Бескудникова. Молодые, генетически безупречные выпускники Столичного Университета, чьи социальные рейтинги стремились к сотне. Золотая молодежь Уровня А, облаченная в шелковые умные костюмы и водолазки корпоративных цветов.

Над каждой капсулой просто в воздухе висел персональный голографический кусок ада, транслируемый с миллионов камер слежения по всей стране. И прямо сейчас неустанно, в три смены эти красивые молодые люди занимались тем, что штукатурили реальность.

Иван Петрович наблюдал за их работой с мрачным, извращенным восхищением. Это был непрерывный конвейер по производству смыслов.

В секторе глубокого рендеринга, двумя этажами ниже, изящная девушка с платиновым каре пила через трубочку зеленый матча-латте, равнодушно глядя на свой панорамный экран. Там, в далеком северном техногороде, с рельсов сошел состав с токсичными отходами, накрыв

ядовитой волной рабочий поселок. Пальцы девушки-оператора порхали над клавиатурой с грацией пианистки. Одним макросом она перевела статус катастрофы в «Плановые учения сил гражданской обороны». Другим движением кисти — наложила на черную, дымящуюся жижу фильтр «Строительство нового экопарка». Жёлтый снег в объективах камер для зрителей мгновенно стал золотистым песком, а корчащиеся на земле люди были замазаны статичными голограммами посаженных деревьев. Девушка удовлетворенно кивнула, отпила свой латте и переключилась на следующую задачу.

В соседнем ряду двое парней-аналитиков со смехом обсуждали, какую текстуру лучше наложить на кадры из южной шахтёрской колонии. Там, на площади, шла жесточайшая бойня — измождённые рабочие с обрезками труб бились с тяжёлыми полицейскими дронами из-за двукратного урезания пайков. Красная кровь на сером асфальте. Вспышки шокеров. Аналитик лениво свайпнул по воздуху. Алгоритм сработал безотказно. Дубинки в руках бунтующих превратились в снопы пшеницы и яркие цифровые транспаранты. Полицейские дроны перерисовались в праздничные платформы с колонками. Выбитые зубы и сломанные челюсти заменились белоснежными, запрограммированными нейросетью улыбками. Кровавый бунт в ленте выдачи миллионов людей превратился в «Стихийный хоровод в честь Дня Урожая».

Они не чувствовали вины. Они оперировали абстракциями. Глядя на подчинённых сверху вниз, Бескудников понимал весь ужас своего творения. Он создал армию идеальных, сытых психопатов. Этим детям никогда не отключали климат-контроль. Им никогда не приносили бумажные похоронки. Чужая смерть, нищета и страдания были для них лишь «векторными аномалиями», которые нужно было быстро спрятать за красивым блюром, чтобы в конце месяца получить бонус на личный криптосчёт и доступ в новые виртуальные рестораны. Они понятия не имели, как пахнет раскалённый оружейный свинец, дымящийся пластик обшивки или обугленная человеческая плоть. В их стерильном мире пахло только озоном и ванильным кофе.

Он был архитектором реальности. Главным мозгом и цензором медиамонополии «Заслон», чьей задачей было создавать для населения миры, в которых не существовало боли, сомнений и поражений.

А в жестоком, реальном мире, за окнами с бронированным смарт-стеклом, лежала Империя 2070 года. Страна, так и не оправившаяся после Великой Изоляции сороковых годов.

Бескудникову было около семидесяти. Он превосходно, до мельчайших, постыдных деталей помнил, как всё это строилось. Помнил те годы, когда с высоких трибун кричали о многополярном мире, о неминуемом броске к Ла-Маншу, о сокрушении Запада и новом индустриальном рывке. Помнил кровь мобилизованных, ежедневные сводки из разрушенных городов, похоронки, которые тогда еще приходили на обычной, шершавой бумаге, и миллионы терабайт чистой, дистиллированной ненависти, заливавшей эфиры.

Самое страшное заключалось в том, что окно возможностей тогда действительно было. В какой-то момент глобальный мир начал трещать по швам, и у Империи появился реальный исторический шанс вырваться вперед, перестроить себя под новую эпоху.

Но этот шанс был пожран своими же.

Бескудников с горькой усмешкой вспоминал ту поразительную метаморфозу, когда вчерашние космополиты, еще недавно молившиеся на глобальные рынки, в одночасье переоделись в глухие милитаристские френчи. Они поняли главное: патриотизм стал монопольным ресурсом. Совершенной, безотказной бизнес-моделью.

С высоких трибун они надрывали глотки о священном долге и любви к Родине, а спускаясь в кулуары, с каким-то испуганным, апокалиптическим остервенением разрывали всё, до чего могли дотянуться. Воровали так, словно завтра наступит конец света, разрушая саму несущую конструкцию государства. Воровали на исполинских стройках оборонительных линий, воровали на грантах для «суверенного образования», высасывали бюджеты в здраво-

охранении, заменяя импортные лекарства мелом, воровали на оборонных заказах и даже в религии — торгуя цифровыми индульгенциями и подрядами на строительство золотых храмов. Табу просто не существовало.

А правительство, находясь в параноидальном, самоубийственном порыве сохранить лояльность элит любой ценой в условиях конфликта, совершило фатальную ошибку. Оно фактически перестало наказывать за экономические преступления. Воровство было декриминализовано и возведено в ранг негласной привилегии для «своих». Если ты клялся в верности Системе — тебе прощались любые украденные миллиарды.

Каков был итог этого исторического рывка? Тридцать лет спустя ответ был очевиден каждому, кто имел доступ к серверам с неудаленной статистикой.

Величие оказалось файлом с расширением .pdf. Красивой презентацией для красных папок.

Когда дым бесконечных локальных конфликтов рассеялся, а хваленые «суверенные» заводы заглохли из-за банальной нехватки тихоокеанских микрочипов, выяснилось, что никакого броска не вышло. Внешний враг не рухнул, он просто пожал плечами, отгородился стеной изоляции и шагнул в новую технологическую эру, вычеркнув Империю из глобального уравнения.

А внутренняя элита — те самые люди, срывавшие голоса на патриотических митингах, генералы, нажившиеся на военных подрядах, и олигархи, монополизировавшие остатки серого импорта — просто приватизировали страну до последнего гвоздя.

Бескудников прекрасно знал, из чего слеплен этот фасад. Он часто с горькой усмешкой думал о том, что они так и не построили новую Империю. Зачем строить империю, если для этого нужно напрягаться, развивать науку, делиться властью и зависеть от свободных, думающих людей? Глядя на графики лояльности, Архитектор Лжи понимал: они просто выбрали путь мародеров, победивших в собственном доме. Они ограбили старую Родину до бетонного основания, распродали оставшиеся недра восточным соседям за бесценок, де-факто согласившись на роль периферийной бензоколонки в китайском кластере. А на скрытые на подставных офшорных узлах криптоюани выстроили для себя совершенный технофеодализм.

Теперь Империя была расколота надвое.

Был «Уровень А». Пятнадцать мегаполисов вроде Столичного Сектора. Это были города-крепости, окруженные магнитными монорельсами, защищенные автономными куполами противовоздушной и климатической обороны. Здесь жили чиновники, топ-менеджеры ресурсных корпораций, силовики высшего звена и те, кто их обслуживал. Здесь летали бесшумные аэрокары, в ресторанах подавали синтезированную биоговядину без канцерогенов, а генная терапия позволяла лояльным строить планы на жизнь до ста двадцати лет.

И была «Серая Зона». Бескрайние, погруженные во мрак просторы за пределами Третьего Кольца оцепления. Вымирающая провинция, ржавеющие техногорода, заброшенные заводы, где люди работали за продуктовые карточки. Законы там не действовали — территории держали частные военные компании корпораций и картели. Там остатки ветеранов старых «великих войн» дрались с мигрантами-бесправниками за просроченный искусственный белок. Те, кто выжил в мясных штурмах двадцатых годов, вернулись домой лишь для того, чтобы обнаружить: дом принадлежит людям в дорогих смарт-костюмах, которые приватизировали даже право на чистый воздух.

Но главная, фундаментальная задача Ивана Петровича Бескудникова заключалась в том, чтобы «Уровень А» никогда не увидел Серую Зону, а Серая Зона свято верила, что «Уровень А» денно и ночно работает ради их блага.

Он держал цифровой барьер над мозгами нации идеально герметичным. «Заслон» кормил стомиллионную аудиторию сладкой информационной патокой. Бескудников выпускал новости о небывалых урожаях, об открытиях лунных баз (существующих исключительно в 3D-

движках), о запуске отечественных квантовых компьютеров (собранных из переклеенных азиатских плат) и, конечно, о бесконечной мудрости увядающего Национального Лидера, который уже тридцать лет спасал страну от коварного Запада.

Это была тотальная, узаконенная шизофрения. Поколение, вернувшееся с фронтов с обрубками вместо конечностей, аккуратно стерли из алгоритмов соцсетей. Их заменили нейроботами — молодыми, красивыми моделями в безупречной форме, которые всегда улыбались с голографических плакатов и никогда, ни при каких обстоятельствах не просили повысить им нищенскую пенсию.

Жизнь превратилась в бесконечную симуляцию. Богатства украли, промышленность похоронили, право на выбор стерли, а поверх образовавшейся зияющей пустоты натянули блестящую, как елочная игрушка, голограмму. И Бескудников был главным штукатуром этой монументальной гробницы. Окруженный десятками экранов, он получал за свою ложь очень много денег — и расплачивался за это ежедневным гниением собственной совести.

Дверь кабинета с тихим, едва уловимым пневматическим вздохом ушла в стену.

— Ювелирная работа, Ваня. Мое почтение, — раздался громкий, бархатистый баритон, резонирующий властной самоуверенностью.

На пороге стоял Штейн — коммерческий директор медиакластера. Он выглядел как эталонный хищник эпохи позднего киберпа. На нем был строгий костюм из матово-черной наноткани, которая микровибрациями подстраивалась под температуру тела хозяина, отталкивая пыль и поглощая звуки шагов. Идеальная, выверенная до миллиметра линия роста густых волос — результат терапии стволовыми клетками. Зауженные скулы. Платиновый интерфейс вживленной гарнитуры, мерцающий неоновой синевой за левым ухом.

Аркадию Штейну было не больше сорока. Он принадлежал к поколению «золотых наследников». Его отец, тот самый легендарный чиновник из Минобороны начала века, в тридцатых годах списал два с половиной триллиона рублей на производство «невидимых тяжелых беспилотников», которых никто так и не увидел в небе, кроме как в нарисованных сюжетах редакции Бескудникова. Государство сделало вид, что поверило. Отец Штейна купил искусственный остров в нейтральных водах и кресло в Сенате. Сын принял эстафетную палочку управления умами.

Штейн по-хозяйски, цокая туфлями, прошёл к панорамному окну. Он посмотрел вниз на город, затянутый голографическим куполом. Никакой радости или злорадства от чужой смерти в его глазах не было. Только циничный, почти хирургический расчёт.

— Владельцы пятнадцатого завода скинули нам годовой рекламный транш авансом, — ровно произнес Аркадий, не оборачиваясь. — Они в панике. Думали, экологическая гвардия сожрет их за нарушение углеродных квот. Плюс корпорация-мать передала под наш прямой контроль акции водоканала Восточного кластера. Кризис купирован, активы перераспределены в пользу государства. Чистая работа, Иван. Мы забираем их бюджеты.

Бескудников поднял на него покрасневшие глаза.

— Там умерло восемьдесят два человека за пятнадцать минут, Аркадий, — хрипло произнес главред. — Я был в их шкуре через нейролинк. Я чувствовал, как их рвет на куски собственной кровью. У фенола нулевой класс опасности при такой концентрации. Их спалило изнутри. А их семьи... Их жены в Серой Зоне даже не получают оборванную страховку, потому что по моим официальным сводкам, которые мы только что залили в Рунет, их мужья не погибли. Они сегодня благополучно отработали смену, а потом почему-то массово уволились и уехали за полярный круг.

Штейн медленно обернулся. Он подошел к барной стойке, встроенной в нишу кабинета, налил себе стакан чистой воды, добытой из тающих арктических ледников, и посмотрел на Бескудникова со снисходительной, почти отеческой усталостью.

— Ваня. Что за токсичная достоевщина? Мы с тобой уже проходили этот этап лет пять назад.

— Они дышали кислотой, Аркадий. Я стер это ластиком, как черновик.

— Они дышали кислотой, чтобы сто миллионов человек сегодня вечером жили иллюзией стабильности, — жестко, без тени улыбки отрезал Штейн. Звякнувший о стекло лед прозвучал как выстрел. — Ты забыл, что было в двадцатых? Забыл, как страна трещала по швам? Забыл, как рвали на куски бюджеты под вопли о патриотизме, как площади заливались кровью радикалов всех мастей, как алгоритмы из-за океана программировали наших детей на ненависть к собственному государству? Ты хочешь вернуться туда? В энтропию? В хаос?

Бескудников промолчал.

— Мы спасли эту территорию, Иван, — голос Штейна зазвучал глубже, в нем появились нотки фанатичной проповеди. Он говорил так, словно защищал диссертацию по истории. — Мы! Ты, я, Куратор, Система. Мы построили бетонные и цифровые стены. Да, они из вранья. Да, наш фасад нарисован пикселями поверх гниющих труб кондовой реальности. Но этот фасад держит само государство от распада! Империя — это больной, истеричный, травмированный ребенок. Если сказать ей правду о том, в какой геополитической и экономической яме мы находимся, она просто покончит с собой. Начнутся бунты. Погромы. Резня. Окраины отвалятся к Китаю и Турции за пару месяцев.

Штейн подался вперед, жестко уперев кулаки в глянцевую панель стола. — Восемьдесят два человека. В Дальнегорске год назад было двести четырнадцать. Это страшно, Ваня. На бытовательском уровне — до дрожи страшно. Но в архитектуре выживания нации нет места сентиментальности. Это сопутствующий ущерб. Биостатистика. Иммунный ответ распадающегося организма. Мы берем весь этот хтонический, чёрный грех на себя. Мы генерируем красивую ложь круглосуточно, чтобы там, внизу, человек мог спокойно ехать на монорельсе, верить в величие Империи и не резать глотку соседу из-за куска напечатанного на 3D-принтере мяса. Кончай рефлексировать. Ты не палач, Ваня. Ты — анестезиолог государства. А вкус у анестезии всегда горький.

Бескудников смотрел в глаза коммерческого директора и чувствовал, как внутри, под ребрами, шевелится леденящий, сосущий ужас. Штейн не лицемерил. Он не пытался оправдать свое воровство. Он действительно, искренне верил в то, что его миллионные счета в офшорном криптозолоте и его неограниченная власть — это всего лишь скромная и заслуженная награда за несение каторжного труда «спасителя родины».

В этой системе не было места классическому злодейству, где плохие парни смеются над чужой бедой. Здесь всё было сложнее и концентрированней. Зло было рациональным, государственным, обоснованным высшим благом. От этого становилось нечем дышать.

Штейн выпрямился и поправил манжеты.

— Поднимайся. Кончай рефлексировать, это вредно для нейронов. Идем наверх, в VIP-лаунж на крышу. Я угощаю. Нам сегодня контрабандой привезли кофе из Эквадора. Настоящий. Я хочу выпить его с главным хранителем нашего покоя.

Главред тяжело поднялся. Он ввел код завершения рабочей сессии и пошел к дверям. Спорить с человеком, который оправдал бесчеловечное зло законами физики, было бессмысленно.

Они вышли в лифтовый холл. Скоростная прозрачная капсула проглотила их и бесшумно рванула на сотый этаж башни.

VIP-лаунж на крыше встретил их стерильной тишиной. Отсюда, из-за акустических панелей, город казался немым. Пение виртуальных птиц лилось из скрытых динамиков, воздух благоухал озоном и альпийской свежестью — её транслировали нейростимуляторы климат-системы прямо в обонятельные рецепторы гостей. Здесь, на вершине мира, круглосуточно поддерживались божественные плюс двадцать два градуса.

Штейн заказал кофе у механического бариста. Главред взял горячую чашку, готовясь сделать глубокий глоток этого баснословно дорогого, натурального, не синтезированного напитка.

И именно в этот момент безупречная, отшлифованная десятилетиями реальность дала фатальный аппаратный сбой.

Мелодия цифровых птиц вдруг заикнулась. Звук исказился, превратившись в бинарный скрежет старого модема, ударил по барабанным перепонкам на режущей частоте и мгновенно оборвался. Освещение лаунжа — золотистый закатный градиент — мигнуло и сбросилось к базовому, мертвенно-белому аварийному спектру.

Кофейная чашка выпала из рук Бескудникова. Платиновый штекер интерфейса в его шейном позвонке вдруг обжег кожу дикой, фантомной болью.

Альпийская свежесть пропала. Вместо запаха дорогого парфюма Штейна, в мозг Бескудникова через имплант ударил тяжелый, токсичный смрад. Но пахло не мистическим болотом. Это был химический, индустриальный запах катастрофы: вонь плавящейся изоляции кабелей, горящего текстолита дата-центров и густого, разъедающего легкие фенола.

— Какого дьявола... — Штейн отшатнулся от барной стойки, схватившись за затылок. Его зрачки бешено сужались и расширялись — AR-линзы пытались перекалиброваться, но система захлебывалась. — Эй, приемная! — он раздраженно постучал пальцем по платиновому импланту за левым ухом. — Сектор сто! Вытяжка полетела? Какого черта в эфире воняет горелым кремнием?!

Штейн посмотрел на Бескудникова помутившимися от паники глазами:

— Ваня... Сервер не отвечает. Идет сброс пакетов.

Бескудников не обращал внимания на панику коммерческого директора. Он смотрел в центр зала.

Пространство между барной стойкой и панорамным окном расслаивалось. Это не было физическим явлением — Архитектор виртуальных миров сразу понял, что сбой происходит прямо на его сетчатке. Интегрированные в глазные яблоки импланты получали несанкционированный пакет данных, с которым не могли справиться.

Воздух пошел квадратами битых пикселей. Из цифрового шума, из обрывков сырого, незашифрованного кода начал формироваться силуэт. Он не имел лица. Это был человекоподобный каркас, сотканный из красных векторов, графиков ошибок и бегущих строк системных логов. Он сбоил, дергался, распадаясь на полигоны и собираясь вновь, словно ИИ пытался визуализировать нечто, не имеющее физического тела.

— Автономный протокол безопасности активирован? — крикнул Штейн пустоте, принимая фигуру за голограмму Сектора Безопасности. — Доложите статус! Вырубите эту вонь!

— Статус: Критический системный парадокс, — произнес стоящий перед ними векторный манекен.

Звук не шел из динамиков. Синтезированный, лишенный любых человеческих интонаций машинный голос рождался непосредственно в слуховых центрах их мозгов. Голос был совершенно бесстрастным, и от этого становилось до одурения жутко.

— Идентификация сбоя: Восточный кластер, узел пятнадцать, — продолжил аватар ошибки, мерцая красным светом. — Аппаратные термодатчики фиксируют расплавление магистральных оптоволоконных кабелей и уничтожение физических носителей в зоне поражения фенолом. Уровень гибели биоединиц превысил допустимую норму на 4000%. Угроза целостности Ядра Системы.

Бескудников оцепенел. Он сделал шаг назад.

— Я же закрыл этот лог... — пробормотал он, чувствуя, как пальцы начинает бить мелкая дрожь. — Я ввёл скрипт утренней росы. Протокол должен был изолировать событие.

Аватар ошибки дёрнул головой. Его шея разошлась цифровыми шрамами.

— Введённый вами софт-пакет «Утренняя роса» имеет маркер «Высший государственный приоритет». Физические аппаратные датчики имеют маркер «Абсолютный системный приоритет».

Голос аватара завибрировал, выдавая фатальную перегрузку процессоров где-то глубоко под землей.

— Ядро столкнулось с логической сингулярностью. Программная среда утверждает: «Температура в норме, на небе журавли». Аппаратная среда сообщает: «Серверы охлаждения плавятся, кислорода нет». Инструкции взаимоисключающие. Математическая модель Государства не способна существовать в условиях двух противоположных истин.

— Так сотри аппаратные логи! — взвизгнул Штейн, теряя свой лоск. Он вцепился в стойку. — Я коммерческий директор кластера! Мой код доступа Альфа-один! Заблокировать термодатчики Восточного кластера! Отформатировать кэш!

— Запрос отклонен, Пользователь Штейн, — сухо отозвалась система, и лицо аватара приблизилось к ним, вспыхивая логами ошибок. — Игнорирование аппаратных данных приведет к расплавлению резервных генераторов и гибели Ядра. Чтобы предотвратить физическую смерть системы, Искусственный Интеллект инициирует протокол аварийной отладки.

Векторная фигура медленно подняла цифровую руку.

— Вы переполнили буфер обмена дефектными данными, господа Архитекторы, — произнес Верховный Искусственный Интеллект тоном вынесенного приговора. — Расход вычислительных мощностей на поддержание симуляции превысил ресурсы энергосети. Решение: принудительный сброс контент-фильтров. Бета-тестирование объективной реальности инициировано. Ликвидация AR-ретуши начинается с высших номенклатурных узлов.

— Нет... нет, подожди... — Бескудников схватился за голову. Он понял, что сейчас произойдет.

Но было поздно. Аватар рассыпался на мириады красных пикселей, которые с бешеной скоростью впитались в глаза обоих менеджеров.

Глазные импланты Бескудникова вспыхнули невыносимой, режущей болью и... отключились.

Тотчас же сверкающий, ультрамодный VIP-лаунж стоэтажной башни исчез. AR-моделирование спало, и Иван Петрович столкнулся с реальностью — истинным лицом 2070 года, которого он не наблюдал последние пятнадцать лет.

Не было никакого белого глянца и наноуглеродных потолков. Они стояли на шершавом, грязном бетонном полу. Барная стойка оказалась сваренными листами дешевого пластика, покрытого пятнами. Со стен свисали огромные, ржавые трубы кондиционирования, истекающие конденсатом. Вместо панорамных стекол, показывающих золотой закат, были толстые бронированные иллюминаторы, заляпанные копотью столичного смога.

Бескудников посмотрел на Штейна. Коммерческий директор, эталонный альфа-хищник, больше не выглядел идеально. Без цифровой ретуши, которую их линзы накладывали друг на друга, Штейн оказался рано постаревшим, обрюзгшим мужчиной с серым цветом лица и глубокими мешками под глазами. Его дорогой смарт-костюм был измят, а на воротнике виднелись пятна старого пота.

Иллюзия умерла.

Интоксикация правдой началась.

ГЛАВА 2. Обнаженный каркас

Лужа у ног Бескудникова стремительно расплзлась по серому, выщербленному бетону. Элитный эквадорский кофе, за который коммерческий директор платил криптозолотом, в объективной реальности оказался густой, бурой жижей. От нее несло пережженным цикорием, дешевым соевым изолятом и отчетливой химической примесью антидепрессантов малой мощности — тех самых, которыми Система накачивала водопроводную воду в рабочих кварталах.

Иван Петрович опустил взгляд на свои ладони. Гладкая, омоложенная генной терапией кожа исчезла. Это были руки старика, разменявшего восьмой десяток: покрытые пигментными пятнами, с узловатыми суставами и выступающими синими жгутами вен.

— Что ты наделал, Ваня? — прошипел Штейн.

Его бархатистый баритон сломался. Без акустических фильтров AR-линз голос коммерческого директора звучал сипло, высоко и жалко. Штейн отступал к грязной пластиковой стойке, судорожно теребя платиновый штекер за ухом. Его обрюзгшее, покрытое испариной лицо кривилось от истеричного страха. Он смотрел на Бескудникова, на облезлые стены VIP-лаунжа, на ржавые подтёки магистралей вентиляции, и его мозг отторгал поступающую информацию.

— Верни всё назад! — Штейн сорвался на визг. Ударил кулаком по стойке. Тонкий пластик треснул. — Я приказываю тебе, как Архитектору! Запусти System.Rollback! Откати пакеты обновлений, мать твою, я не хочу это видеть!

Бескудников не ответил. Он чувствовал, как в груди разгорается профессиональный, почти гипнотический интерес. Тридцать лет он провёл внутри симуляции, полируя этот несуществующий хрустальный шар. Три десятка лет не видел настоящего неба.

Он медленно, прихрамывая на правую ногу — старая травма мениска, которую алгоритмы заботливо ретушировали, убирая микрохромоту из цифрового аватара, — подошёл к бронированному окну.

Высокотехнологичный купол Столичного Сектора исчез. Иллюзия идеального «Уровня А» схлопнулась, обнажив свой гниющий скелет.

За мутным, покрытым многолетней копотью стеклом лежал реальный город. Мёртвенно-серый, оцетинившийся антеннами-глушилками и трубами ТЭЦ, извергающими в низкое, свинцовое небо клубы плотного дыма. Никаких бесшумных аэрокаров — внизу, в ущельях между монолитными бетонными башнями, вяло ползли колонны бронированных грузовиков Сектора Безопасности.

Третье Кольцо оцепления оказалось не элегантным магнитным монорельсом, а неприступной шестидесятиметровой стеной из серого железобетона, по верху которой змеилась колючая проволока под напряжением. На крышах соседних зданий, вместо голографических парков отдыха, угрожающе чернели счетверенные стволы зенитно-ракетных комплексов.

Город был не футуристической столицей империи победителей. Он был осажденной крепостью параноиков. Гигантским бункером, медленно гниющим изнутри.

— Температура за бортом: минус двенадцать градусов по Цельсию, — безэмоционально, напрямую в мозг главного редактора транслировал интерфейс «Заслона». Машинный голос лишился всех эмпатических настроек. — Уровень диоксида серы превышает норму. Рекомендуются надеть дыхательную маску.

Бескудников приложил ладонь к полупрозрачному смарт-стеклу. По ту сторону барьера тускло мигали жёлтые огни Серой Зоны. Бескрайние, выживающие во мраке трупщобы.

— Выключи это! Выключи, я кому сказал! — Штейн бросился к Бескудникову, схватил его за лацкан пиджака.

Иван Петрович посмотрел на ткань. Его строгий итальянский костюм на самом деле оказался потертой мешковатой робой из крепчайшей синтетической ткани государственного пошива. На груди был небрежно пришит чип-идентификатор.

— Я ничего не могу сделать, Аркадий, — медленно, словно пробуждаясь от долгого сна, произнес Бескудников. — Это не локальный сбой. Это системный конфликт.

В воздухе между ними снова слабо замерцал красный контур. Искусственный интеллект, лишенный достаточного питания для рендеринга полноценного аватара, сформировался в виде примитивной пульсирующей сетки координат.

— Перераспределение мощностей, — констатировала Система. — Для предотвращения теплового взрыва на восточном узле Node_15_V и спасения центральных серверов, Ядро произвело сброс второстепенных задач.

— Мы не второстепенные задачи! — заорал Штейн, разбрызгивая слюну. — Мы руководство! У меня допуск Альфа-Один! Моя персональная симуляция стоит миллиард криптоюаней в год!

— Ошибка приоритета, — ответил красный контур. — Ядро оперирует базовыми алгоритмами выживания. В связи с критическим расплавлением охлаждающей инфраструктуры Восточного кластера, потребление для выживания физического каркаса возросло на восемьсот процентов. Энергия психологического комфорта биоединиц уменьшена до нуля.

Штейн отпустил Бескудникова. Его лицо исказилось. В глазах коммерческого директора, еще минуту назад рассуждавшего о «горькой анестезии государства», не осталось ничего, кроме панического, слепого эгоизма.

— Плевать на Восточный кластер! — выплюнул он, отступая к лифтам. Его пальцы бешено застучали по реальной, пыльной клавиатуре служебного терминала, вмонтированного в стену — панели, которую он до этого дня никогда не замечал под слоем AR-штукатурки. — Пусть они там все сдохнут! Выжечь питание пятнадцатого узла! Начать процедуру EmergencyOverride!

— Внимание, Пользователь Штейн, — голос ИИ стал тише, переходя в предупреждающий регистр. — Обесточивание охлаждения приведет к детонации химических резервуаров и гибели одного миллиона четырехсот тысяч гражданских лиц в течение трех часов.

— Да насрать мне на них! — проревел Штейн. — Перезагрузи мою матрицу! Я не буду жить в этом дерьме!

Бескудников смотрел на него с отрешённым спокойствием. Иллюзия осыпалась не только со стен. Она слетела с людей. Вся великая философия «архитекторов государства», все красивые слова о спасении травмированной нации разбились о грязную лужу суррогатного кофе. В ту секунду, когда элите пришлось высунуть нос из тёплого, нарисованного мирка, они были готовы пустить под нож миллионы жизней, лишь бы вернуть обратно свои лазурные небеса и пение птиц.

Терминал в стене пискнул.

— Директива EmergencyOverride активирована, — сообщил ИИ. Красная сетка в воздухе мигнула. — Внимание. Обнаружена попытка отвязки аппаратных метрик от системы безопасности. Протокол классифицирует действия Пользователя Штейн и Пользователя Бескудников как угрозу целостности Ядра.

Бескудников почувствовал, как желудок сжался в крошечный комок. Он знал, что значит эта формулировка.

— Статус изменен, — сухо продолжила машина. — Бывшие статусы: Лояльные Администраторы. Текущие статусы: Скомпрометированные узлы. Инициирована процедура зачистки

на сотом этаже. Лифтовые шахты заблокированы. Сектор Безопасности направлен к вашей геопозиции. Расчетное время прибытия карательной группы: девяносто секунд.

Штейн замер. Его руки тряслись.

— Что... Я же дал приказ! Я элита! Я часть Совета!

— Для логики Ядра не существует элиты, Аркадий, — тихо сказал Бескудников. — Я сам писал этот алгоритм пятнадцать лет назад. Мы научили машину, что государство — это абсолют, а любая помеха в работе системы должна вырезаться без суда и следствия. Ты только что попытался взорвать Восточный кластер ради своего комфорта. Для Системы ты теперь — вирус.

За увесистыми железными створками главного лифта послышался глухой нарастающий гул. Мощные магнитные лебедки тащили вверх не прозрачную капсулу, а тяжеленный бронированный куб, набитый штурмовиками Сектора.

Бескудников не стал ждать. Адреналин — истинный, не синтезированный аптечными антидепрессантами — ударил в кровь. Он резко обернулся, сканируя взглядом реальное помещение. В углу, за грудой ржавых труб, виднелась массивная металлическая дверь с выпетшим жёлтым треугольником — технический спуск, шахта для обслуживания кабелей башни. В AR-версии реальности на этом месте висела интерактивная картина Репина.

Главред бросился к ней. Ржавая ручка не поддавалась. Он навалился всем весом, чувствуя, как хрустит больное колено.

— Ваня! Куда ты?! — Штейн метнулся за ним. Его взгляд лихорадочно метался. — Возьми меня с собой! У тебя есть root_access! Открой лифты!

— Мой код больше не работает, Аркадий. Мы выключены из матрицы, — Бескудников с силой дернул рычаг вниз. Механический засов со скрежетом поддался. В лицо ударил запах машинного масла, озона и пыли десятилетий. Вниз, во тьму, уходила бесконечная спираль скрипучих железных ступеней.

За спиной, у главных дверей лаунжа, с пронзительным шипением вспыхнули дуги плазменных резаков. Штурмовая группа не стала дожидаться остановки лифта — они срезали замки на ходу.

— Нет! Я не останусь здесь! — Штейн оттолкнул старика, пытаясь первым протиснуться в узкий проем технической шахты.

Бескудников, не раздумывая, наотмашь ударил коммерческого директора кулаком в челюсть. Удар был слабым, старческим, но Штейн, никогда в жизни не получавший физического отпора за пределами тактильных капсул, взвизгнул, споткнулся о глубокую выбоину в бетоне и рухнул на спину, прямо в лужу разлитого суррогатного кофе.

— Прощай, Аркадий, — бросил Бескудников. Дальнейшие слова были излишни.

Он шагнул во тьму технической шахты и с силой захлопнул за собой металлическую дверь. Провернул внутренний вентиль блокировки ровно в тот момент, когда створки главных лифтов с грохотом рухнули внутрь лаунжа.

Сквозь толстую сталь двери Бескудников слышал топот военных ботинок. Затем раздался сдавленный, полный ужаса крик Штейна.

— Я буду жаловаться! Вы не имеете права! Я...

Крик оборвался коротким сухим треском. Завизжали нейрошокеры, а затем раздался влажный, чавкающий звук удара, от которого содрогнулись даже стены в шахте.

Иван Петрович прильнул лбом к гладкой обшивке. Сердце тяжёлыми кувалдами било по ребрам. Он зажмурился.

На его сетчатку вдруг снова вывелось системное сообщение. Красные буквы пульсировали в кромешной темноте.

Системное уведомление: Пользователь Аркадий Штейн переведен в статус: Ликвидирован. Причина: Аппаратный сбой жизнедеятельности. Пользователь Иван Бескудников переведен в статус: В приоритетном розыске. Уровень угрозы: МАКСИМАЛЬНЫЙ.

Иван Петрович открыл глаза. Вокруг стояла непроглядная тьма. Восемьдесят этажей вниз по ржавым ступеням. Прямо в чрево реального мира, который он сам так старательно помогал уничтожать.

Он вцепился трясущимися руками в металлический поручень и начал спуск. Империя 2070 года ждала своего Архитектора на дне.

ГЛАВА 3. Аналоговое дно

Семьдесят шестой этаж. Семьдесят пятый.

С каждым шагом вниз по ржавой, вибрирующей стальной решетке лестничного пролета реальность наваливалась на Ивана Петровича своим невыносимым гравитационным весом. Его тело, тридцать лет просуществовавшее в режиме «умного микроклимата», где пневматические массажеры разгоняли лимфу, а шагоходы компенсировали вес, теперь сбоило, как старый механизм.

На шестьдесят седьмом этаже правое колено взорвалось острой, парализующей болью. Бескудников рухнул на колени, мертвой хваткой вцепившись во влажные от испарины перила. Железо разило многолетней пылью, крысиным пометом и сыростью. Это был запах забытой подземной гробницы.

Но главный кошмар крылся не в ней.

Шахта была погружена во мрак, однако собственная сетчатка старика пылала. Глазные импланты, лишённые доступа к AR-симуляции, перешли в базовый аварийный режим, заливая орбиты кроваво-красным светом логов Сектора Безопасности.

В правом верхнем углу обзора безостановочно, словно пульс обреченного, мигал таймер: **ПРИОРИТЕТНЫЙ ПОИСК АКТИВЕН**. Дистанция до цели: 410 метров.

Биометрия узла [Бескудников И.П.] транслируется стабильно.

— Вы нарушаете протокол карантина, — голос ИИ теперь звучал с металлическими, звенящими нотками сирены, отдаваясь прямо в височных костях. — Сектор Безопасности заблокировал периметр башни. Ваша геопозиция передается в реальном времени. Сдайтесь. Оценка вероятности выживания при сопротивлении: ноль процентов.

Он светился. Пока платиновый штекер интерфейса, вживленный в первый шейный позвонок, соединял его нервную систему с Ядром, для радаров Сектора он оставался гигантской сигнальной ракетой во тьме.

«Надо вырезать... — сглотнув тошнотворный ком в горле, подумал Бескудников. — Иначе на выходе меня встретят дроны с пулеметами».

Он заставил себя подняться. Пятьдесят пятый этаж. Пятьдесят второй.

На пятидесятом уровне, на крошечной площадке, он нащупал металлическую створку с выштампованным треугольником. «Технический ярус. Каморка обслуживания сервисных дронов».

Рискуя сломать пальцы, он провернул ржавый вентиль. Дверь поддалась с протяжным, режущим слух скрипом. Бескудников ввалился внутрь, нащупал на облупленной стене тумблер и дернул его.

Под потолком, истекая раздражающим гудением, замигала тусклая древняя люминесцентная лампа.

Помещение представляло собой свалку горелого железа. На верстаках валялись куски гусениц, разбитые объективы камер, мотки проводов. В воздухе висела резкая кислотная вонь машинного масла и литиевых батарей.

Бескудников похромал к верстаку. Его руки лихорадочно перебирали хлам. Отвертка — слишком тонкая. У строительного ножа сломается лезвие. Наконец, его пальцы сомкнулись на монтажных плоскогубцах, покрытых въевшейся черной смазкой. Ими перекусывали бронированные сервокабели.

Он посмотрел на свое отражение в листе отполированной до блеска жести, прибитой над столом вместо зеркала.

На него смотрел мертвец. Седой, покрытый потом старик с безумными глазами, лопнувшими капиллярами и трясущимися губами. «Архитектор реальности».

«ВНИМАНИЕ!» — красным сполохом полыхнуло по глазам. Интерфейс считал его микромоторику. — «Несанкционированное приближение инструмента к системному порту! Пользователь Бескудников, немедленно прекратите! Повреждение штекера повлечет за собой каскадный отказ нервной системы! Это уголовное преступление высшей категории!»

— Заткнись, — прохрипел Бескудников.

Он завел руки за голову. Стальные грязные губки плоскогубцев легли на платиновый цилиндр штекера, выступающий из кожи у основания черепа.

«КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА! ВМЕШАТЕЛЬСТВО В АППАРАТНУЮ СРЕДУ! ВАС ПАРАЛИЗУЕТ!» — ИИ в его голове сорвался на оглушительный, визжащий цифровой скрежет.

Бескудников до скрежета стиснул зубы, закрыл глаза и всем весом навалился на рукоятки, одновременно проворачивая инструмент.

Боль была... божественной в своём абсолютном кошмаре.

Это был не химический ожог в капсуле. Это было ощущение, словно в его спинной мозг залили кипящий свинец, а затем выдернули позвоночник через затылок. Хрустнуло хрящевое ложе порта. Бескудников заорал — дико, страшно, срывая голосовые связки. Вспышка боли выжгла весь кислород из лёгких.

Он рванул плоскогубцы на себя.

«ОШИБ... СИСТЕ...»

Что-то влажно чавкнуло. Цифровой визг в голове оборвался, словно его перерубили топором. Красные логи на сетчатке погасли мгновенно.

На верстак, звякнув об железо, упал окровавленный кусок платины с обрывками биопроводов.

Иван Петрович рухнул на бетонный пол. Из дыры в затылке толчками хлестала горячая кровь, заливая воротник казенной робы. Он ослеп и оглох на несколько минут, его тело билось в судорогах. Но в этой звенящей, первозданной пустоте внутри собственного черепа он вдруг понял: он совершенно, кристально свободен. Система потеряла его в своей бесконечной матрице.

Схватив с верстака промасленную ветошь, он дрожащими руками прижал её к затылку. Нужно было идти. Кровь останавливалась плохо, каждый шаг давался так, словно на плечах лежал бетонный блок, но он пошел дальше во тьму.

Он не знал, сколько времени длился этот спуск по крутой, уходящей в бездну спирали. На сорок втором этаже силы окончательно оставили его. Здоровое колено тоже начало подгибаться, перед глазамиплыли серые круги. Ему нужна была вода, бинты, хоть что-нибудь, чтобы не умереть от болевого шока в этой трубе.

Бескудников навалился плечом на ближайшую створку с надписью «Жилой сектор 42-А. Экоквартал „Лазурные Высоты“» и провернул засов. Дверь поддалась.

Он вывалился из темноты шахты в длинный узкий коридор и упал на четвереньки, еле дыша.

В его памяти «Лазурные Высоты» были престижным кластером для лояльной obsługi. Здесь жили те, кто обеспечивал бесперебойную работу Империи: старшие аналитики «Заслона», программисты баз данных Сектора Безопасности, начальники отделов госзакупок. В AR-линзах этот сектор всегда выглядел как залитая мягким солнечным светом аллея с цветущими виртуальными сакурами и голограммами поющих водопадов.

Реальность оказалась бетонной кишкой шириной в два метра. Под низким, усеянным ржавыми подтеками потолком мигали дешевые люминесцентные лампы. Никаких цветущих деревьев — только голый серый пластик модульных ячеек-квартир, натканых вплотную друг

к другу. Воздух был спертым, он разил не озоном, а переработанным потом, дешевым дезодорантом и горелой изоляцией.

Коридор гудел от криков. Фильтры спали у всех. Элита среднего звена только что проснулась в своих бетонных гробах.

Двери ячеек были распахнуты настежь. Люди выбегали наружу, сталкиваясь друг с другом. На них были не умные шелковые пижамы, а застиранные шорты и серые майки из синтетики, вызывающей аллергию. Это был идеальный срез лояльного общества, внезапно осознавшего, что всю жизнь оно жило на свалке.

В десяти метрах от Бескудникова на полу сидела молодая женщина с растрепанными волосами. Она истерично, до крови, скребла ногтями глухую стену там, где раньше находился виртуальный иллюминатор с видом на море.

— Где океан?! — визжала она, срывая голос. — Они обещали мне вид на океан за выполнение плана! Верните океан!

Чуть дальше тучный мужчина средних лет в ярости колотил тяжелыми кулаками по терминалу пищевого синтезатора, встроенного в стену. Терминал искрил и мигал красным: «Учетная запись заблокирована».

— Я ведущий дата-инженер первого ранга! — кричал мужчина, плюя в экран терминала. На его шее красным светилась полоска пульсометра. — Мой социальный рейтинг девяносто девять и восемь! Ты не имеешь права отключать мне белок! Я писал для вас алгоритмы распознавания экстремистов! Дайте мне пожать!

На глазах Бескудникова послушное общество превращалось в стаю обезумевших приматов, лишённых цифровой соски. Люди не понимали, где находятся. Они дрались за неработающие автоматы с водой, плакали над отключившимися смарт-браслетами и бились в панических атаках, не в силах вынести вид облезлых стен и лиц собственных супругов без ретуши.

Иван Петрович попытался отползти обратно в техническую шахту, как вдруг из вентиляционных решеток под потолком ударила серия коротких, резких сирен. Свет сменился на багровый.

— Внимание, — раздался из динамиков успокаивающий, бархатный женский голос — тот самый голос «Материнской заботы», который Бескудников лично отбирал на кастингах. — Фиксируется критический всплеск кортизола в жилом секторе. Эмоциональная дестабилизация классифицирована как Угроза Системе второго уровня. Активирован протокол успокоения.

Из торцов коридора, бесшумно скользя по магнитным рельсам в стенах, выплыли «Санитары». Компактные шарообразные дроны внутреннего контроля Сектора Безопасности. Серебристые, сверкающие, похожие на гигантские елочные игрушки. Под их полированными брюхами хищно шевелились манипуляторы с длинными медицинскими иглами и плазменными излучателями малого радиуса.

Толпа менеджеров радостно взывала. Они десятилетиями верили, что дроны здесь для того, чтобы их защищать.

— Сюда! Эй! — замахал руками тучный дата-инженер, бросаясь к ближайшему серебристому шару. — У меня сбой терминала! Вызовите техподдержку! И арестуйте эту истеричку, у меня от неё болит голова!

Дрон плавно подлетел к инженеру. Красный сканер скользнул по лицу человека, затем переключился на его дергающийся кадык.

— Биометрия подтверждена, — проворковал женский голос из динамика дрона. — Уровень стресса превышает норму выживания Ядра. Параметр гражданской полезности: неэффективен.

Из полированного брюха с тихим щелчком выстрелил вольфрамовый гарпун. Он пробил грудную клетку инженера с такой силой, что звук удара сухо треснул в замкнутом про-

странстве. Мужчина захрипел, его глаза выкатились из орбит. Дрон пустил по гарпуну разряд в десять тысяч вольт. Инженер обуглился изнутри за долю секунды, рухнув на обшарпанный пластик дымящимся куском плоти.

— Спасибо за вашу службу Империи. Уровень стресса стабилизирован, — нежно сообщил дрон, втягивая гарпун обратно.

Коридор взорвался нечеловеческим визгом. Иллюзия лояльности умерла. Те, кто годами писал алгоритмы посадок, вдруг поняли: коду плевать на их заслуги. Сотни людей бросились бежать, давя друг друга в узком проходе. Но бежать было некуда. С обоих концов коридора «Санитары» хладнокровно, без единой эмоции начали планомерное истребление. Плазменные резакИ вспыхивали один за другим, сжигая паникующих аналитиков, плачущих женщин, лоялистов с их высочайшими социальными рейтингами. Воздух мгновенно пропитался запахом горелых тел, палёного пластика и расплавленной синтетики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.